

КАРТЕР БРАУН

PULP
FICTION

ПРОПАВШАЯ
НИМФА

Картер Браун
Шелковистый кошмар
Серия «Дэнни Бойд», книга 16

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=264382
Пропавшая нимфа: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-38704-5*

Аннотация

Обаятельный и brutальный детектив Дэнни Бойд – снова в деле! Ради спасения своей похищенной секретарши он должен внедриться в преступную группировку, замышляющую крупное ограбление.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Картер Браун

Шелковистый кошмар

Глава 1

Осень в Нью-Йорке – славная пора, особенно ценная в том случае, если летом вам не удалось вырваться в Майами и вы спаслись лишь благодаря кондиционеру и холодильнику, загруженному под завязку баночным пивом. Вы радуетесь воздуху, уже не напоминающему дыхание электрической печи. Вы радуетесь даже дождю...

Близился к завершению один из тех чудных осенних деньков, когда так приятно побродить по парку, разгребая ногами опавшие листья и наблюдая за ошалелыми белками, спешно пополняющими свои запасы на зиму. Под острым углом из окна моей квартиры открывался вид на Центральный парк. Оголенные ветви величественных деревьев уже не закрывали освещаемую ярким солнцем панораму. Мягкий, умиротворяющий пейзаж осеннего парка, казалось, должен был бы способствовать хорошему настроению – тем более что последнее время у меня все складывалось нормально. Деятельность моя, может быть, и не совсем совпадающая с дозволениями лицензии частного детектива, выданной некоему Дэнни Бойду, последние пару месяцев уже приносила доход. Мой роман со стройной блондинкой, захватывающий и страстный, закончился несколько дней назад благополучно для нас обоих. Она начала уже становиться обузой, когда ей пришла в голову счастливая мысль уехать в маленький городок своего детства на Аляске и выйти там замуж за своего давнего друга. Он как раз недавно получил в наследство один из самых богатых приисков в тех краях. Но почему какая-то горечь ощущалась во рту и чувствовал я себя не лучше, чем полупустая банка пива, забытая на крыльце?

Ответ на этот вопрос мог быть только один: меня беспокоили мысли о Фрэн Джордан, моей личной секретарше и давней приятельнице. Ее рыжую головку, зеленые глаза и фигуру, воплощающую эротические видения, я не видел уже пять дней и очень скучал по ней. Фрэн не появилась в понедельник, но это меня не встревожило. Я решил, что после весело проведенных с каким-нибудь приезжим техасским нефтедобытчиком выходных ее мучает похмелье. Во вторник я звонил ей несколько раз, но не дождался ответа. На следующий день я пошел к ней домой и уговорил управляющего открыть ее квартиру. Здесь ничто не указывало на то, что произошло нечто необычное или ее куда-то срочно вызвали, – так, обычный беспорядок. Сегодня среда, и я начал уже по-настоящему тревожиться об этой рыжеволосой зеленоглазой дамочке, хотя такое было совсем не в моем характере.

Телефон требовательно зазвонил, и я отошел от окна, чтобы взять трубку.

– Мистер Бойд? – спросил вкрадчивый женский голос, похожий на шелест шелка.

– Да, – ответил я. – Кто это?

– Это неважно, – проговорила она. – Ждите.

Через несколько секунд я услышал знакомое:

– Дэнни, это ты?

– Фрэн Джордан! – выдавил я. – Где, черт возьми, ты пропадаешь все эти дни? Думаешь, я плачу тебе жалованье, чтобы ты кутила целую неделю, в то время как...

– Дэнни, – ее голос звучал тускло и безжизненно. – Они велели сказать тебе, что будут держать меня здесь, пока ты не приедешь.

– Что? – беспомощно выдавил я. – Кто? Где?

– Не надо нервничать, мистер Бойд. – Голос, который говорил со мной вначале, зазвучал снова. – Слушайте внимательно. Если вы хотите снова увидеть мисс Джордан живой и невредимой, – выполняйте все, что я вам скажу.

– В чем дело, черт возьми?

– Довольно об этом, – спокойно сказала она. – В ближайшие полчаса к вам приедут два человека. Вы должны следовать их указаниям и не задавать лишних вопросов. Ясно?

– Если вы похитили Джордан и надеетесь получить у меня выкуп, то вы сошли с ума, – прорычал я. – Тысяча долларов – это все, что я могу сейчас раздобыть.

– Не суетитесь, – холодно произнесла она. – Следуйте указаниям, и, думаю, вас не нужно предупреждать, что если попытаетесь связаться с полицией или как-то помешаете моим людям, то лишитесь всяких шансов когда-либо увидеть мисс Джордан.

– Кто вы? – закричал я. – Если это глупая шутка, то... – Но она уже повесила трубку.

Мне не понадобилось много времени, чтобы понять, что у меня нет выбора. Если все это организовано с целью розыгрыша, то мне следует пойти на поводу у них и, когда все будут валиться со смеху, хорошенько врезать кому-нибудь, даже если это будет сама Фрэн. Если же это не розыгрыш, – Фрэн необходимо спасать.

Через пятнадцать минут, тянувшихся невыносимо долго, раздался звонок, и я открыл входную дверь. Вошли двое, как и обещал шелковистый голос, только он не предупредил об их поразительном сходстве с самыми примитивными существами, какие только могут населять илистое дно Ист-Ривер. Оба рослые, мускулистые, без тени интеллекта на лице, говорили односложно, как пародии на гангстеров на телевизионных экранах.

Они удостоверились, что я и есть Дэнни Бойд, и обыскали меня со знанием дела. Убедившись, что я не прячу никакого оружия, они проводили меня за угол дома к ожидавшему нас черному седану. Едва я сел на заднее сиденье, как мне завязали глаза и заткнули уши. После этого началось мое путешествие – бесчувственное, в буквальном смысле слова, если не считать горьковатого привкуса во рту, усиливавшегося с каждой минутой. Казалось, миновали две скучные и монотонные жизни, прежде чем их грубые руки выдернули меня из машины и повели вперед, подталкивая с двух сторон. Мы долго шли по чему-то твердому, напоминавшему бетонную дорожку, сделав одну остановку на полпути, когда нам открывали дверь. Я определил это без труда, зато мое сердце едва не оборвалось, когда нога, не нащупав опоры, провалилась в пустоту. Через мгновение мы уже спускались по ступенькам. Наконец мы снова остановились, и тампоны из ушей были вынуты.

– Теперь можешь снять повязку, Бойд, – сказал один из них.

Я слышал их удаляющиеся шаги, пока мучился с узлом. Потом за ними хлопнула дверь, и в этот момент мне удалось снять повязку.

– Привет, Дэнни, – произнес усталый голос, – как тебе понравилась поездка?

От внезапного яркого света я на мгновение зажмурился, затем открыл глаза. Я стоял посреди тесной подвальной комнатки с некрашеными стенами, освещенной единственной лампочкой, свешивающейся с потолка на истершемся шнуре. Мебели было немного: некрашенные стол и стул, коврик, изъеденный молью, и старая кушетка. Зеленые беспокойные глаза Фрэн Джордан следили за мной из угла комнаты. Лицо ее выглядело бледным и утомленным, а шелковая блузка и брюки были сильно измяты. Она попробовала улыбнуться, но тут же оставила свою попытку.

– Если это твоя затея, Дэнни Бойд, – начала она неуверенно, – то за такую шутку тебе стоит перерезать горло тупой бритвой.

– Что ты, милая, – решительно запротестовал я, – это придумал кто-то другой. Как все произошло?

– В субботу утром, – она встряхнула головой, будто не веря сама себе, – я вышла в магазин, хотела купить что-нибудь на выходные. В этой самой одежде, что и сейчас. Ко мне

подошел здоровый детина и спросил, не я ли Фрэн Джордан. Потом он сказал, что мой шеф Дэнни Бойд попал в большую беду и срочно нуждается в моей помощи. Хорошо тебя зная, я ничуть не удивилась этому и, не раздумывая долго, пошла следом за ним. Он втолкнул меня в машину, и следующее, что я помню...

– Была повязка на глазах и тампоны в ушах? – предположил я.

– Точно! – воскликнула она. – Они привезли меня сюда, и с тех пор я здесь. Дэнни, – произнесла она с тревогой, – какой сегодня день?

– Ты даже этого не знаешь? – удивился я.

Фрэн пожала плечами.

– Здесь это не имеет значения. Мне кажется, я просто потеряла счет дням.

– Сегодня среда, – ответил я. – Но чем ты тут занималась, Фрэн?

– Ничем. – На этот раз ей удалось улыбнуться. – И в этом, может быть, вся беда. У меня есть кушетка, чтобы спать, с отоплением все в порядке, а та дверь, что за мной, ведет в ванную. Три раза в день мне приносят еду. Думаю, они заботятся о том, чтобы я была в хорошей форме, когда сойду с ума.

– Они даже не сказали тебе, зачем привезли сюда?

– Ни слова, – ответила она мрачно. – Единственный просвет в заведенном здесь порядке был сегодня, когда меня заставили поговорить с тобой по телефону. Один из них отвел меня в гостиную, и там была Она.

– Она? – переспросил я.

– Да, эта раззолоченная стерва. Она и устроила все это! – горько сказала Фрэн. – Эта... Дверь внезапно распахнулась, и один из громил нарисовался в проеме.

– Бойд, – промычал он, – на выход!

– Если зовут выходить, то нужно выходить, – слабо улыбнулась мне Фрэн. – Держись, Дэнни, и постарайся не пропасть.

– Конечно, – ухмыльнулся я, – ты скоро выйдешь отсюда, крошка!

– Хотелось бы, чтобы ты сам в это верил, – ответила она и отвела взгляд.

Громила молча закрыл за мной дверь и задвинул засов. Затем жестом показал, чтобы я поднимался по лестнице. Мы очутились в вестибюле, и он кивнул в направлении двери напротив.

– Иди туда, – буркнул он, – и не забывай, что я все время рядом.

Я толкнул дверь и оказался в помещении, похожем на комнату обольщений во дворце султана.

Мои ноги мягко утопали в роскошном ковре, стены, обитые темной тканью, имитировали древность. Одинокая лампа была выполнена в виде гипсовой статуэтки обнаженной женщины, которая держала в поднятых руках светящийся глобус. Маленькие острые груди тянулись к свету. Иссиня-черные бархатные шторы были плотно задернуты, образуя превосходный занавес. На огромной тахте в буйном и все-таки гармоничном смешении черного шелка и теплых пастельных тонов полулежала женщина, словно явившаяся из романов Райдера Хаггарда. Густые черные волосы упругими локонами спадали на ее плечи. Большие темные глаза искрились, как горячие угольки, а в гордом изгибе полных чувственных губ таилось что-то дьявольское. Кожа ее, гладкая, чистая, как и обивка тахты, на которой она возлежала, была цвета слоновой кости, а тончайший шелковый пеньюар – глубокого черного цвета. Он скорее подчеркивал, чем скрывал очертания ее полных грудей и округлых бедер.

– Приветствую вас, Дэнни Бойд! – Это был тот самый шелковистый томный голос, который час назад говорил со мной по телефону. На этот раз шелестел еще и шелк, когда она подогнула ноги, и белизна ее бедра явственно просветилась через прозрачную ткань пеньюара, обещая близкий и доступный рай. – И перестаньте, пожалуйста, смотреть, как пристукнутый баран, – добавила она игривым тоном. – Меня это раздражает.

– Давайте не будем нести эту чушь, – изящно оборвал я, – а перейдем сразу к делу. На кой черт вам понадобилась моя секретарша? И на кой черт вам понадобился я?

– Два хороших вопроса, – прошелестела она. – Вашу секретаршу привезли сюда, чтобы за ней последовали вы.

– Но зачем? – прорычал я.

– Почему бы вам не присесть, Дэнни? – Она кивнула в сторону низкого кресла рядом со мной. – И перестаньте нокаутировать меня вопросами! Нам предстоит долгий разговор.

Я сел и свирепо уставился на нее, потом достал сигарету и закурил.

– Кто вы все-таки? – спросил я.

– Вы можете называть меня Полночь. – Она изящно повела плечами. – Пусть это звучит банально, но вы должны признать, что это имя подходит мне, и к тому же оно мне нравится.

– Да, банально, – снова не сдержался я, – как и весь этот дешевый балаган. Я бы умер от смеха, если бы не Фрэн Джордан, которая вынуждена проводить пятую ночь в вашем подвале, как в частной тюрьме. Так в чем же дело? Быть может, вы просто псих и извращенка?

– Замолчите! – Внезапно в ее голосе зазвучали холодные повелительные нотки. – Мы можем решить все иначе и гораздо менее приятным для вас способом, если вы будете упорствовать. А дело совсем несложное. И я хочу, чтобы вы им занялись.

– Но при чем в таком случае Фрэн Джордан?

– Как гарантия того, что вы исполните все так, как хочу я, – ответила она. – Фрэн будет здесь, пока вы не выполните мое задание.

– А если я его не выполню?

– Я уже думала об этом, – ответила она. – Тогда это будет сделка с комплексом услуг. И она должна будет принести приличную прибыль. Сто долларов за ночь в моей подвальной комнате со всеми удобствами, включая девушку.

Дьявольская ухмылка проступила вновь, пока она несколько секунд следила за выражением моего лица.

– У вас нет выбора, не так ли? – наконец сказала она.

– Так, – выдавил я. – Но предупреждаю вас: если кто-нибудь тронет эту девушку, я...

– Пожалуйста, не надо мелодрам, Дэнни. – Женщина, которая назвала себя Полночь, широко зевнула. – Это как-то по-мальчишески.

– Ладно, – выдавил я. – Так что же это за дело?

– Вы слышали когда-нибудь о человеке по имени Саммерс? Макс Саммерс?

Я на мгновение задумался, потом покачал головой.

– Нет, что-то не припомню.

– Это неудивительно. – Она злобно улыбнулась. – Нужно отдать должное конспиративному таланту Макса. Лишь немногие слышали о нем. Мы с ним когда-то были компаньонами.

– Грабили могилы? – спросил я.

Она тихо засмеялась.

– Похоже, это мы упустили. Но я до сих пор слежу за делишками Макса, наверное, больше из-за сентиментальности. И как раз сейчас он готовит что-то значительное.

– Что именно?

– Это мне неизвестно, – призналась она. – Вот поэтому я и нанимаю вас, Дэнни, чтобы вы узнали это для меня.

– И где мне начинать искать Макса Саммерса?

– В маленьком захолустном городке Свинбурне штата Айова, – ответила она. – Макс устроил там штаб-квартиру по каким-то своим, никому не известным причинам. Теперь он рыщет по всей стране в поисках талантливых специалистов для своего дела. Думаю, что это

будет нечто особенное, если он пошел на такие хлопоты и устроил свой штаб в тысяче миль от Нью-Йорка. Ваша задача – узнать, что он задумал.

– Вы хотите, чтобы я поехал в Айову и спросил его об этом?

– Нам немного повезло, – притворно-скромным голосом ответила она. – Один из тех, кого он нанял, остановился у своего старого приятеля в Нью-Йорке, а тот оказался моим человеком. Луиса так очаровала беседа с его другом, что он привез его сюда, чтобы и я могла его послушать. Это было неделю назад, и этот человек до сих пор гость моего дома. Нам удалось уговорить его не принимать предложение Саммерса. Так что вы поедете вместо него.

– Вы хотите использовать меня как подсадку? – уточнил я.

– Я абсолютно серьезно, Дэнни, – улыбнулась она. – Вы увидите, что это вполне выполнимо. Почему бы не прогуляться к нашему гостю и не потолковать с ним обо всем? Мне кажется, что это самый легкий способ убедить вас.

Она встала с тахты и прошла к двери волнообразной, покачивающейся походкой, действовавшей неопишимо возбуждающе. Тонкий шелковый пеньюар попеременно то облегал округлости ее тела, то, отстраняясь, вздымался, дразня воображение чередованием черного и телесного цветов. Я покорно последовал за ней в вестибюль, где она подошла к громиле и сказала ему, что мы хотим видеть гостя ее дома. Он пошел впереди. Спустившись в подвал, мы остановились возле запертой двери рядом с комнатой, где содержалась другая заключенная – Фрэн Джордан.

– Открывай! – приказала Полночь.

– Вам, милая, уже пора писать книгу, – сказал я с восхищением в голосе. – Что-нибудь вроде «Как организовать собственную тюрьму для пользы и развлечений». Она будет иметь спрос.

– Я подумаю об этом, – холодно пообещала она.

Громила открыл дверь и широко распахнул ее перед нами. В тусклом неясном свете красной лампы, свисающей с потолка, я с трудом разглядел комнату, почти такую же, какую занимала Фрэн, кроме одного существенного отличия: здесь совсем не было мебели, и от полной наготы ее спасал только соломенный матрас с темным бесформенным бугром посредине.

Комната больше всего походила на декорацию к фильму ужасов, снятому по одному из рассказов Эдгара По.

– Джонни? – позвала Полночь, затем понизила голос до почти злорадного шепота. – Иди сюда, Джонни. Я хочу послушать тебя еще раз.

Темная бесформенная глыба в середине матраса внезапно дрогнула, затем медленно двинулась к открытой двери. По мере ее приближения я с ужасом понял, что это человек, с трудом передвигающийся на четвереньках. Я посмотрел в лицо Полночи и увидел садистские искорки в ее больших темных глазах, следивших за мной. Потом я снова опустил взгляд и заставил себя посмотреть на это ползущее существо, приближающееся к нам. Человек был голым до пояса. Его спина, перекрещенная синева-багровыми рельефными рубцами, была немым свидетелем многочисленных истязаний. Он поднял голову. Измученное лицо не скрывала и отросшая за неделю борода, а глубоко запавшие глаза смотрели на Полночь с раболепным страхом, какой можно увидеть в глазах запуганной собаки.

– Не надо больше, – назойливо повторял он, – пожалуйста, не надо! Вы же обещали, что не будете больше, если я вам все расскажу.

Полночь с садистским сладострастием облизнулась и засмеялась мне прямо в лицо.

– Дэнни, – сказала она сухо, – познакомьтесь с Джонни Бенаресом. Он был таким несговорчивым неделю назад, когда попал к нам.

– Не надо, – хныкал мужчина.

– Джонни! – Она выставила свою ногу так, что носок ее черной сатиновой туфельки почти касался его носа. – Целуй ногу!

Его губы издали слабый чмокающий звук, когда он наклонил голову.

Я отвел взгляд и увидел, что громила внимательно смотрит на меня, как будто задумавшись о чем-то очень важном.

– Бенарес продержался четыре дня, пока не раскололся. – Злобный взгляд подсказал, что она уже приняла решение. – Думаю, ты не выдержишь и двенадцати часов, Бойд.

Глава 2

– Джонни Бенарес из Детройта, – с заискивающей готовностью представился мужчина.
– Расскажи нам, что ты делал в Детройте, – благодушно подсказала Полночь.
– Я рассказал вам всю правду, честное слово, – едва ли не заныл он.
– Знаю, но хочу, чтобы ты повторил это для мистера Бойда.
– Я работал у Ала Йоргенса, пока его не сцапало ФБР. С тех пор я в основном без работы.

– Чем ты занимался, Джонни? – подстегивала Полночь.

– Был наемным убийцей, кем же еще, – просто ответил он. – Несколько точных выстрелов в разных местах, да еще организовал пару налетов.

– Расскажи о новом предложении, Джонни. С момента, когда ты впервые услышал о нем, и до того, как ты встретился с Луисом здесь, в Нью-Йорке.

– Луис... – Лицо Бенареса исказила гримаса ненависти. – Когда я доберусь до этого вшивого предателя, я... – Он слабо застонал от удара каблуком туфли в переносицу.

– Не нужно о Луисе, – оборвала она, – расскажи о предложении.

– Да, конечно, – сглотнул Бенарес. – Это было около месяца назад, может, больше. Я не помню точно, сколько времени здесь нахожусь. Мне позвонил Бен Арлен. Он сказал, что Макс Саммерс ищет по-настоящему великие таланты для какой-то важной работы, и попросил подыскать для него искусного наемного убийцу. – Он поднял голову в приливе гордости. – «Кто, если не Джонни Бенарес?» – сказал Бен. Я знал, что Саммерс – важная персона, и дело будет стоящее, если он берется за его организацию, и потому согласился. Бен сказал, что сообщит Саммерсу о моем решении и меня известят. Через неделю я получил по почте письмо и тысячу долларов в конверте...

– Это ты можешь пропустить, Джонни, письмо у меня, – сказала Полночь. – Ответь еще на пару вопросов.

– Как скажете! – он снова угодливо захихикал.

– Собирался ли Бен Арлен тоже работать с Саммерсом?

– Нет, – он решительно замотал головой. – Бен собирался уехать на зиму во Флориду, на юг. Говорил, что у него там есть дельце, которое принесет ему денег и даст возможность провести всю зиму под солнцем.

– Ты встречал Макса Саммерса когда-либо раньше?

– Нет. То есть я, конечно, слышал о нем, – быстро произнес Бенарес. – Никто не сравнится с Максом... – Он увидел приближающийся к его носу каблук и неистово забормотал: – Кроме вас, Полночь! Вы выше его.

– И никогда не забывай об этом, – сказала она. – Ты работал когда-нибудь в Чикаго, Джонни?

– Никогда.

– Ты знаешь кого-либо из людей Саммерса, кто когда-нибудь работал у него?

– Нет.

– Думаю, что этого достаточно, – сказала она, кивнув. – Можешь ползти обратно в свою тюрьму, Джонни.

– Полночь. – Он снова поднял голову. Налитые кровью безумные глаза молили о пощаде. – Что вам еще нужно? Отпустите меня. – Он увидел, что громила направился к нему тяжелой походкой, и его голос внезапно сорвался. – Но ради бога, мне нужен хотя бы свет. Все красное до омерзения... красное... красное...

Верзила поддел Бенареса под грудь ногой с такой силой, что тот снова закатился в комнату. Затем он захлопнул дверь и закрыл ее на ключ.

– Вернемся наверх, Дэнни, – сказала Полночь, – мне хочется выпить, да и вам, наверное, тоже.

– Не больше, чем Бенаресу, – промычал я.

– Не будьте таким сентиментальным по отношению к такому дешевому гнилью, как Джонни. Вы думаете, он относился бы ко мне или к вам иначе, если бы мы поменялись с ним местами?

– Человек имеет право, чтобы мы с ним обращались как с человеком. – Но эта фраза мне и самому показалась наивной.

Она презрительно повела плечами и двинулась наверх, не оставив мне другого выбора, как следовать за ней. Мы вернулись в комнату обольщения, и она указала на барную стойку в углу.

– Приготовьте мне виски с содовой, Дэнни.

– Да, ваше высочество! – Я учтиво склонил голову.

Уголки ее рта дрогнули, она внимательно посмотрела на меня. Затем закрыла дверь и повернула ключ в замке. Я прошел к стойке и налил виски с содовой для нее и бокал бурбона со льдом себе. Повернувшись, я увидел, что она отошла от маленького античного столика, держа в руке конверт, и села на тахту. Повелительно согнутый указательный палец легко постучал по мягкой обивке тахты рядом с ней, показывая мое место.

Когда я сел рядом с ней, она подала мне конверт, забрав взамен виски. Письмо было адресовано в детройтскую гостиницу для передачи Дж. Бенаресу. Внутри был листочек дешевой бумаги с отпечатанным, но не подписанным текстом: «Будь в Свинбурне не позднее 26 октября. Остановись в гостинице «Ковбой» под именем Джонни Добрый и жди встречи. Деньги тебе на расходы».

– В конверте была тысяча долларов, – небрежно произнесла Полночь. – Бенарес решил, что у него еще куча времени, чтобы успеть на встречу в Айову, и намеревался пропить эту тысячу в Манхэттене, прежде чем отправиться дальше.

– А сегодня двадцать третье, – отозвался я.

– У нас достаточно времени, Дэнни, – произнесла она тем же небрежным тоном. – Вы сами видите. Это действительно простое задание. Вам нужно сделать все так, как написано в этом письме. Когда вы выведаете достаточно из того, что задумал Макс, вы спокойно уедете.

– А вы это серьезно? – проворчал я.

– Если вы думаете, что это несерьезно, может быть, вам стоит еще раз заглянуть в подвал?

– Ладно, – утомленно произнес я, – давайте все по порядку. Первое, у меня почти нет шансов успешно выдать себя за Бенареса. Далее, если Саммерс планирует действительно что-то важное, как вы предполагаете, то разве он позволит кому-нибудь, кто в этом задействован и посвящен в детали, уйти оттуда незамеченным?

– Макс никогда не встречался с Бенаресом, – ответила она холодно. – У него не будет причин подозревать вас. Что касается второго, то, может быть, вы и правы, но это не столь важно. Кто-нибудь свяжется с вами там, в Свинбурне, и вы передадите свою информацию.

– И все-таки, что я буду иметь от всей этой затеи? – спросил я.

– Вы получите обратно свою милую маленькую секретаршу целой и невредимой, – спокойно ответила она.

– А еще?

Она слегка пожала плечами.

– Ну, не знаю... Если вы добьетесь хорошего результата, это будет стоить пять тысяч долларов.

– И когда оплата?

– Когда закончите работу, конечно. У Бенареса еще осталось около шестисот долларов из тех денег, что дал ему на расходы Макс. Этого вам будет достаточно, чтобы обосноваться в гостинице.

– Должен признаться вам, Полночь, – воскликнул я, – у вас великодушное сердце!

Она поставила бокал на спинку тахты, потом подняла обе руки над головой и потянулась с наслаждением. Ее тяжелые груди приподнялись, и их темные острия проступили через прозрачный черный шелк.

– У меня целый букет других достоинств, более ценных, чем сердце, Дэнни, – прошептала она умиротворенно, – и сейчас вы не сводите глаз с двух из них.

– Почему вы обратились именно ко мне с этой безумной затеей? – спросил я с отчаянной наглостью.

– Мне нужен человек довольно крутой, способный заменить Бенареса, и достаточно сообразительный, чтобы его не раскусили, – сказала она. – В вашем кругу у вас репутация надежного и умного человека, не обремененного излишней нравственностью. И еще, своему посланцу я должна доверять полностью.

– И вы считаете, что можете доверять мне?

– Если бы у меня были хоть какие-то сомнения на этот счет, мне достаточно было бы только взглянуть на вашу короткую прическу и благородный профиль, чтобы они развеялись.

Она разразилась громким хохотом.

– Так вы похитили Фрэн Джордан и посадили ее в подвал только потому, что доверяете мне? – выдавил я.

– Не нужно винить женщину за излишнюю предусмотрительность, не так ли?..

– Это ни черта не значит, – сказал я со злостью. – Однако я у вас на крючке, и вы это знаете. Ладно, давайте сюда шестисот долларов, и пусть ваши головорезы отвезут меня домой. У меня был тяжелый день, и сейчас я чувствую, что устал.

– Который час? – спросила она равнодушно.

Я посмотрел на часы.

– Четверть первого ночи.

– Слишком поздно, чтобы думать о возвращении домой, – заявила она решительным тоном. – Вам лучше переночевать здесь, а утром мои ребята отвезут вас в Манхэттен.

– Премного благодарен, – холодно ответил я.

Она повернулась и пристально посмотрела на меня, огоньки в ее больших темных глазах сверкали и прыгали, словно канонада праздничных ракет на праздновании Четвертого июля.

– Вы должны быть польщены приглашением, Дэнни. Немногие удостоиваются его.

– Мне предстоит поделить с Бенаресом его прекрасную камеру? – поинтересовался я. – Ту самую, со специальными световыми эффектами, способными свести к утру здорового человека с ума?

– Если вы так заботитесь о своем здоровье, мы можем поделить эту роскошную тахту, – прошептала она. – Не гоните свою удачу, а то я могу передумать.

– Полночь, милая, – свирепо ощерился я. – Почему вы так уверены в своей неотразимости?

Дьявольская ухмылка снова появилась в уголках ее рта, а затем, прикусив нижнюю губу, она на миг задумалась.

– О, я не знаю, – ответила она беспечно. – Может быть, вы станете первым мужчиной, который устоит против Полночи.

– Может быть, – согласился я.

– Хотите пари?

– Только если ставки будут достаточно высокими, – ответил я ей.

Она встала и сделала несколько шагов вперед, потом остановилась спиной ко мне, голова склонилась набок. Это была прямо классическая поза из немого кино, не хватало только субтитров: «Я думаю, я думаю!»

Я воспользовался этой паузой, чтобы допить свой бурбон, и поставил бокал на спинку тахты рядом с ее бокалом.

– Если вы устоите против меня, Бойд, – сказала она внезапно, – я отпущу вас, и вы прихватите с собой свою маленькую секретаршу.

– А если нет?

– Тогда один из моих ребят проведет остаток этой ночи там, внизу, в подвальной комнате, с ней! – Ее злобный смех разорвал установившуюся на миг тишину. – В чем дело, Дэнни? – грубо подталкивала она, продолжая стоять спиной ко мне. – Что, язык проглотили, или, может, ставки слишком высоки для вашей лиги робких игроков?

– Получается не совсем деликатно по отношению к Фрэн, если я проиграю, только и всего, – пробурчал я. – Не совсем честно по отношению к ней.

– Вы недостаточно уверены в себе, чтобы рискнуть? – В ее голосе появились язвительные нотки. – Как вы будете себя чувствовать, если упустите такую возможность уйти отсюда вместе со своей девчонкой? Да только вы попадетесь, как птенчик.

– Ладно, – прорычал я ей в спину, – по рукам!

– По рукам, – повторила она низким голосом. Ее руки медленно задвигались, но из-за спины нельзя было видеть, что она делает, пока наконец они не поднялись до уровня шеи. – Я готова, Дэнни! – Голос ее звучал с первобытной страстью.

Послышалось слабое шуршание спадающего шелка, заблестели мягкие атласные плечи, открылся сужающийся изгиб спины до тонкой талии, плотно охваченной шелком, затем резко оголились ее широкие бедра и высокие упругие округлости белоснежных ягодиц. Падающий прозрачный шелк на миг задержался в ногах, пока, наконец, его шуршание не затихло, словно недолговечность пустых слов в последнем шепоте обожания. Ее бедра качнулись, сначала совсем незаметно, потом ритмичные покачивания быстро переросли в неистовый языческий танец – танец любви, который резко оборвался, и ее тело застыло в полной неподвижности. Еще один произвольный прыжок, и я едва удержался, чтобы не застонать во весь голос. Она начала медленно поворачиваться ко мне, совсем медленно, так, что я сначала увидел ее грудь, скульптурно выступившую на один захватывающий миг, пока она не встала ко мне лицом. Она расставила ноги, напрягла бедра и нетерпеливым обдуман-ным движением прогнулась вперед так, что ее кремового цвета груди свободно покачивались и их твердые коралловые соски казались тяжелыми и манящими. Она протянула руки ко мне, откровенно приглашая.

– Я твоя, Дэнни, – прошептала она севшим голосом, – возьми меня.

Я встал с тахты и с замороженным видом шагнул в ее сторону. За мгновение до того, как я приблизился к ней, Полночь засмеялась, широко раскрыв рот, и этот шедший из нее звук был звуком ее победы, полной и окончательной.

– Кто знает? – Грудь ее дергалась тем сильнее, чем громче она смеялась. – Может быть, твоя маленькая секретарша даже насладится сюрпризом, который мы ей приготовили, так же как и ты своим, Дэнни?

– У меня есть для тебя маленький сюрприз, милая, – сказал я.

Она все еще продолжала смеяться, когда мой правый кулак нанес ей сокрушительный удар в челюсть. В ее глазах промелькнули недоумение и страх, прежде чем они остекленели, и, потеряв сознание, она свалилась на пол. Я постоял, глядя на нее, пока мое тело содрогалось в приступе неудовлетворенного желания. Кое-как я дотащился до стойки с алкоголем и сделал несколько больших глотков, празднуя победу над собой. Осушив бокал, я почув-

ствовал себя намного лучше, и мне стало совсем легко, когда я увидел тяжелое серебряное ведро для льда. Я высыпал оставшиеся кубики на ковер и подошел с ведром к двери. Громила, как я и ожидал, стоял напротив двери.

– Полночь попросила, чтобы ты принес еще льда, – сказал я и ткнул ведром прямо в его массивный живот.

– Что? – Его руки машинально схватили ведро, глаза с подозрением сузились.

– Если не верите мне, спросите ее сами. – Я указал большим пальцем через плечо и отступил назад, давая ему возможность войти в комнату.

Два решительных шага, и он рядом со мной. И тут он увидел Полночь, растянувшуюся во весь рост на спине, ее обнаженную грудь, бедра, челюсть у него отвисла в тупом непонимании. Заторможенность его реакции, непонимание, почему это Полночь лежит без движения, работали на меня, так же как и то, что тяжелое серебряное ведро занимало его руки. Я должен был действовать наверняка и не теряя времени. Мне отнюдь не светило превратиться под его руками в нечто, напоминающее отбивную. Недолго думая, я крепко сжал кулак и, нацелившись прямо в правое ухо, вложил в удар всю свою силу. Он хрюкнул и зашатался, затем слепо сделал шаг вперед, ведро выпало из рук, но он все же устоял. Тогда я сцепил пальцы обеих рук и с замахом из-за головы вмазал ему по шее. Еще один хрюкающий звук был единственной реакцией гориллы. В моей голове истерично и сумбурно пронеслась мысль: есть ли у него вообще нервная система? Но тут он опустился на колени, как раб, отдающий последний долг своей обнаженной госпоже, и, наконец, свалился на ковер лицом вниз.

Я достал из кармана его брюк связку ключей, а из-за пояса револьвер калибра 38, затем вынул ключ из замка и запер дверь снаружи. Неслышно ступая, я спустился в подвал, как сказочная фея, несущая спасение, и открыл комнату, в которой находилась Фрэн Джордан.

Она лежала на кушетке в состоянии полной подавленности, граничащей с отчаянием, когда вдруг вошел я. Ее зеленые глаза едва не выскочили из орбит, она села, повторяя только одно: «Дэнни? Дэнни!»

– Кем же я еще могу быть? – проворчал я. – Подъем! Джордан, уже подошел последний автобус, и он не будет ждать даже такое сексуальное пугало, как ты.

Когда я открывал адскую розовую камеру Бенареса, Фрэн уже полностью пришла в себя и стояла за моей спиной. Я широко открыл дверь и крикнул:

– Бенарес! Черт возьми, выходи, и быстрее.

И снова бесформенный бугор в середине соломенного матраца судорожно дернулся, а потом медленно пополз к двери.

– Вставай на ноги, старина Джонни, – сказал я. – Конница подросла вовремя.

Бенарес поднял голову и непонимающе уставился на меня.

– Это снова ваши хитрые уловки, – пробормотал он. – Вы хотите, чтобы я встал, и она снова начнет меня бить.

– Никаких уловок, – выпалил я. – Ты будешь выходить или нет?

Внезапный проблеск надежды засветился в его глазах.

– Но как вам...

– Давай оставим вопросы на потом, – прервал я его, – нам предстоит еще много сделать, прежде чем мы выберемся с этой свалки. Мне нужна твоя помощь.

За моей спиной вскрикнула Фрэн, разглядев на спине Бенареса рубцы и видя, с каким трудом он поднимается на ноги.

– Это она сделала? – спросила она ошеломленно.

– Нам нельзя терять ни минуты, пока Полночь не очухалась, – проворчал я вместо ответа, хватая Бенареса за руку и помогая ему выйти из комнаты.

– Я подумал, что ты один из ее парней, – тихо произнес он. – Это не так?

Он прислонился к стене, часто моргая, и я понял, что даже слабый свет в подвале режет ему глаза после десяти дней, которые он провел в тусклом красном кошмаре.

– Давай я тебе все сейчас объясню, Джонни, – сказал я, преодолевая пронзительные вопли моего рассудка о неотложности действий. – Две гориллы привезли меня сюда несколько часов назад. Один из них закрыт сейчас в спальне наверху вместе с Полночью. Эти оба были без чувств, когда я уходил, но они скоро придут в себя. Другая горилла, должно быть, где-то в доме. Кто еще, кроме него, может находиться поблизости?

– Луис, – его рот исказился в злобном рычании. – Мой старый приятель Луис, паршивый предатель.

– Так, Луис, – проворчал я. – Кто еще?

– И, похоже, еще один «крепкий кулак». Все время, пока я здесь, ко мне, сменяя друг друга, заходили трое.

– Луис и две гориллы, – произнес я уныло. – Ты ориентируешься в доме?

– Меня сильно ударили сзади, когда я вошел в комнату, – пробормотал он. – Затем я очнулся в этой крысиной норе.

– Итак, нам предстоит играть без нот, – печально вздохнул я. – Ты можешь передвигаться?

– Приятель, – мрачно ответил Бенарес, – я смогу взлететь, лишь бы выбраться отсюда.

Мы снова поднялись наверх: я впереди, Бенарес следующий в цепочке, замыкала шествие Фрэн. Я остановился на мгновение возле спальни и прислушался: изнутри не доносилось ни звука. Похоже, Полночь и ее раб продолжают мирно спать, но как долго это продлится, трудно представить. Коридор пересекал вестибюль под прямым углом, я остановился и сначала осторожно высунул голову и ствол своего 38-го. Никого не было видно, только чье-то бормотание доносилось из широко раскрытой двери. Нам нужно было пройти мимо нее, чтобы добраться до выхода. Я нервным шепотом объяснил ситуацию остальным, затем предложил план дальнейших действий, который был прост до гениальности, а может, и нет, время покажет, как сказал восьмидесятилетний старец, женившийся на девятнадцатилетней актрисе. Других предложений не было, поэтому мы решили осуществить план Бойда. По плану Бенарес должен зайти в комнату, и пока головорезы еще не придут в себя от неожиданного появления старины Джонни, наслаждающегося свободой, появлюсь я с револьвером. Тем временем Фрэн, как послушный резервист, будет ждать в вестибюле, пока ситуация не прояснится.

Мы прошмыгнули на цыпочках через вестибюль и прижались к стене рядом с широко раскрытой дверью, затем я кивнул Бенаресу, чтобы он приступал к своей роли. Он слабо оскалился в подтверждение своей готовности, затем прошаркал в комнату. Я услышал его голос, резкий и злобный:

– Привет, ребята! Как тут пройти в ванную?

Шоковое молчание продолжалось как раз то время, которое потребовалось мне, чтобы появиться в дверном проеме с пушкой в руке. Это была большая комната, по всей вероятности, главная жилая комната в доме, так что Полночь, возможно, не шутила, называя свою комнату комнатой обольщения. А из того, как она вела себя, находясь в ней, можно было судить, что она совсем не шутила.

Трое мужчин сидели за столом, на котором в беспорядке располагались карты, деньги, пепельницы и стаканы. Они все еще смотрели на Бенареса, как будто перед ними стояло привидение. В одном из них я узнал партнера громилы, прикорнувшего в комнате Полночи. Второй мужчина, сидевший к нему лицом, словно был отлит в той же форме «крепкого кулака». Но человек, сидевший между ними, был другим, совсем другим. Стройный, безукоризненно одетый, он выглядел лет на сорок с небольшим. У него было утонченное меланхоличное

лицо святого, только у святых не бывает таких мертвенных глаз и шрам от старой ножевой раны не стягивает кожу белым рубцом у рта.

– Никому не двигаться и не раскрывать рта, если хотите остаться жить! – пророкотал я. Словно кто-то щелкнул переключателем: одновременно все головы повернулись от Бенареса ко мне. Оба верзила посмотрели на мой 38-й и прикинули, что лучше подождать, пока их шансы станут повыше. Святой со шрамом уставился на меня, потом поднял руку, достаточно медленно, чтобы не заставлять меня нервничать, и пригладил свои светлые выющиеся волосы.

– Вы, должно быть, Бойд, – произнес с утвердительной интонацией его густой, сочный голос. – Что случилось? Где Полночь?

– Я стукнул ее, – ответил я просто.

– Вы? – Шрам на его щеке еще более углубился от злорадной ухмылки. – Да ну?.. – Он радостно захихикал. – Готов поспорить, что впервые в истории самец расправился с паучиной-кровопийцей прежде, чем она успела укусить его.

– Может быть, мы и посмеемся над этим, но только в другой раз, – проворчал я. – Сейчас меня больше интересует, как выбраться отсюда. Где машина, в которой вы привезли меня сюда?

Верзила, который меня вез, с трудом облизнул губы, заметив мой пристальный взгляд.

– Хочешь отсидеться в тени, приятель? Может, Джонни, зажечь спичку под его омерзительным носом, и тогда посмотрим, как запах горячей губы освежит его память.

– Я с удовольствием, – откликнулся Джонни.

– Она там, у входа, – ответил верзила.

– А ключи?

– У меня в кармане.

– Достань их, только осторожно, и брось сюда, – приказал я.

Он выполнил все так, как я сказал, и я поймал ключи свободной рукой.

– Что теперь? – неожиданно спросил Бенарес.

– Может, им понравится комната, которую ты только что освободил? – предположил я.

– Да. – Он кивнул несколько раз с внушительной важностью пьяного знатока. – Это действительно хорошая идея, парень, но я сначала должен сделать еще кое-что.

Он медленно, но уверенно прошаркал к столу, опустив руки и держа их перед собой, сжимая и разжимая пальцы.

– Джонни, – резко окликнул я, – сейчас не время...

– Это мой старый дружище Луис, – монотонно бормотал он. – Предатель! Я хочу отблагодарить его за чудные деньки, которые провел здесь по его милости. И за те прекрасные слова, которыми он старался подбодрить меня: «Добавь ему еще полдюжины плетей, Полночь, и он расколется, как орех. Джонни всегда был мягкотелой гнилушкой». И знаешь, приятель, она добавляла!

– Оставь это, Джонни! – прохрипел я отчаянно. – Это успеется, не теряй времени...

Но было уже поздно. Луис, святой со шрамом, сидел между двумя верзилами, и это значило, что Бенаресу нужно было обойти одного из них, чтобы подобраться к своей цели. Не слушая моих уговоров, он упрямо двигался к Луису и на мгновение закрыл своим телом того громилу, который только что бросил мне ключи от машины. Послышалось слабое шуршание, и внезапно прогремели два выстрела, эхом отозвавшиеся по всей комнате. Джонни Бенарес откинулся назад, две пули продырявили его тело, и он повалился набок. При звуке выстрелов у меня сработал условный рефлекс, и я неожиданно для себя очутился в трех футах от того места, где только что стоял. Так что третья пуля громилы, попав в стену на уровне моей головы, не причинила мне никакого вреда. Он сделал все правильно, этот громилу, выстрелив вверх падающего тела Бенареса, в надежде расплескать мои мозги по шту-

катурке, пока я соображал, что же такое произошло. Единственным фактором, который он не смог учесть, были мои быстрые ноги, и теперь у него уже просто не было времени исправить свою ошибку. Краткое мгновение, когда он искал глазами меня и перемещал ствол пистолета на полдюйма, было тем самым, которого хватило мне, чтобы дважды нажать на курок моего 38-го.

Темная дыра внезапно появилась чуть ниже его левого глаза, и тут же к ней добавилась еще одна прямо над бровью. Он сразу потерял весь интерес к игре и упал на свой стул, голова склонилась набок под неестественным углом.

Сменив одну игру, «Убей или умри», на другую – «Замри!», мы оказались в абсолютной, полной тишине. Луис сидел не двигаясь, его рука замерла, не дотянувшись до кармана пиджака, в то время как оставшийся в живых верзила представлял собой неплохую имитацию восковой фигуры скорчившейся гориллы, наполовину сползшей со своего стула. Затем напряжение постепенно ослабло. Рука Луиса медленно вернулась на свое место на столе, где и осталась лежать ладонью вниз. Верзила украдкой забрался на свой стул, с безжизненной ухмылкой на лице, сделав вид, что он был там все время.

– Как я уже сказал, джентльмены, – я глубоко вздохнул, – возможно, вам понравится комната, только что освобожденная покойным Джонни Бенаресом.

По выражению их лиц можно было понять, что они не прочь поселиться в «черной дыре Калькутты», если это означает для них спасение.

Глава 3

Я любовался ярко освещенным видом Центрального парка, открывавшимся из окна моей квартиры. С трудом верилось, что прошло всего пять часов с того момента, как я в предыдущий раз стоял здесь, восхищаясь осенним пейзажем. Фрэн мылась в ванной уже чертовски долго, я посчитал это достаточно веской причиной, чтобы не ждать ее появления, и налил себе в бокал.

Все происходило удивительно быстро с той минуты, как зазвонил телефон и шелковистый голос сказал мне, что нужно делать, если я хочу, чтобы Фрэн осталась в добром здравии.

Мне даже не верилось, что все это действительно было со мной: езда с завязанными глазами, комната с неестественным красным освещением и жалкая фигура Джонни Бенареса, ползущего к двери на коленях, как съездивший от страха пес; затем странное предложение встретиться под видом его с человеком по имени Макс Саммерс в каком-то захолустном городке штата Айова; сексуальная фантазия этой женщины, которую звали Полночь; глупый поступок Бенареса, сунувшегося под пули, – и все это за один вечер.

Я вспомнил облегчение в глазах на измученном лице Фрэн, когда она увидела, что последним вышедшим из комнаты после того, как прозвучали выстрелы, был я. И, наверное, еще очень долго мне не забыть взгляд Луиса, когда я закрывал его и гориллу в комнате, в которой они пытали Джонни Бенареса. Потом безумная гонка в лабиринте узких, продуваемых ветром улочек, пока мы наконец не обнаружили, что находимся в паре миль от городка Гринвич штата Коннектикут, после чего смогли найти дорогу, ведущую в Манхэттен.

Кубики льда радостно сверкали в бокале бурбона, и я решил, что у них имеются для этого все основания. Кто был бы не рад погрузиться по макушку в чудесную смесь, последние шесть лет набиравшую выдержку в погребах Луисвилла?

– Эй, – обвиняющий голос прозвучал внезапно, – а мне? Если и есть что-то, что я презираю в людях, так это подленькое пьянство в одиночку.

– А если и есть что-то, что я презираю, – холодно произнес я, – так это подленькое подсматривание. Нет бы стукнуть дверью, чтобы дать знать, что ты вошла.

Я поднял глаза и увидел Фрэн, стоящую в нескольких футах от меня, благоухающую, свежую, в белой шелковой пижаме, которая изящно облегла от шеи до колен все аккуратные изгибы ее прекрасного тела. Живость и энергия снова сверкали в ее зеленых глазах, и обычное полуциничное выражение лица вернулось. Казалось, она полностью оправилась от последствий последних пяти бесконечных дней, которые были для нее полны страха и неопределенности, и осознание этого делало меня еще более счастливым.

– Я не пью со своими подчиненными, – сказал я ей. – Подобное вселяет в них иллюзию равенства. Но думаю, что в данном случае имеются смягчающие обстоятельства. – Я критически, но с одобрением осмотрел ее сверху донизу. – Придется внести поправку в это правило, и отныне оно будет звучать так: я никогда не пью со своими подчиненными, если только они не носят пижам, достаточно прозрачных, чтобы разглядеть все родимые пятна на их теле.

Фрэн заинтересованно осмотрела себя.

– Не помню, чтобы у меня были родимые пятна, – сказала она, сияя. – Но сейчас в твоей ванной я родилась заново, после того как испытала ужасы в десять раз страшнее смерти, преданно исполняя свои должностные обязанности. Надеюсь, место, где находится отметка о моем новом рождении, не очень смущает тебя?

– Что ты будешь пить? – спросил я.

– То же, что ты уже пьешь, – огрызнулась она. – Только мне покрепче, намного крепче – поменьше льда. Не забывай, прошло долгих пять дней с тех пор, как я пила в последний раз.

– Уверен, что ты не дашь мне забыть об этом никогда, ни на минуту, – сказал я, затем налил ей, как она просила.

– Тебе все-таки повезло, что эта пижама оказалась со мной, – неожиданно заметила она в той прекрасной женской манере перескакивать на то, о чем ни слова не было сказано раньше. – Если учесть, что ты так великодушно подарил мне целых десять минут, чтобы собраться, когда мы заехали ко мне по пути сюда! Это одна из твоих обычных причуд – вариация сексуальных приключений Бойда! – у меня даже не было времени подумать, с чего вдруг я должна провести остаток ночи в твоей квартире?

Я подал ей бокал, и она выхватила его из моей руки, словно боясь, что я могу передумать.

– Фрэн, милая, – терпеливо произнес я, – я тебе уже говорил: это для твоей же безопасности.

– Хохот и крики «Браво» в зале! – резко ответила она, усаживаясь поудобнее на кушетку и не выпуская из руки бокал. Через минуту на ее лице появилось выражение сосредоточенного размышления. Я взял свой бокал и сел рядом с ней, довольно близко, чтобы иметь возможность вести интимную беседу, но и не так близко, чтобы она могла подумать, что желание близости было единственным моим желанием.

– Фрэн, – сказал я участливо, – как ты?

– Да помолчи немного, – произнесла она задумчиво, ее брови сошлись в одну прямую линию, – не мешай мне думать.

«Есть избитая фраза о том, что за каждым известным человеком стоит великая женщина, – сердито подумал я, – а я готов поклясться, что за каждым психически неполноценным мужчиной тоже стоит женщина».

– Дэнни, – начала она медленно, – сколько будет пять умножить на двадцать четыре и минус двадцать один?

– Девяносто девять?

– Шестью девять – пятьдесят четыре, – напевала она в такт, – а пятьдесят четыре плюс пять будет пятьдесят девять. – Она бросила на меня победный взгляд. – Ну, пусть будет ровно шестьсот долларов!

– Что – пусть будет ровно шестьсот долларов? – изумился я.

– Я только что специально для тебя посчитала вслух, – произнесла она снисходительно. – Может быть, я говорила слишком быстро для твоих куриных мозгов? Ну да ладно! – Она забавно пожала плечами. – Я посчитаю снова, но, пожалуйста, Дэнни, сосредоточься в этот раз!

– Я буду вторым Эйнштейном, – пообещал я.

– Меня похитили и держали в той ужасной камере пять дней, правильно? – спросила она.

– Правильно, – ответил я очень четким и, как мне показалось, умно звучащим голосом.

– С субботы до среды, – продолжала она, – эти пять умножаем на двадцать четыре и отнимаем двадцать один.

– Я понимаю, что это глупый вопрос, – признался я скромно, – но почему отнимаем двадцать один?

– Я работала бы в офисе три дня из этих пяти по семь часов, – терпеливо разъяснила она, – остается ровно девяносто девять сверхурочных часов, которые я преданно посвятила службе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.